

Резкий шум ветра стих, и вертолет приземлился.

Коулсон первым спрыгнул на землю и бросил на бетон опустевшее оружие. Его сапоги подняли облако пыли. Его напарник Ханс, все еще сидевший в кабине пилота, не удержался от насмешки:

— Чего так спешишь?

— Говоришь так, будто сам не торопишься, — Коулсон был в приятельских отношениях с этим парнем, поэтому, в отличие от своей привычной вспыльчивости с другими, позволял себе шутить. — Если опоздаем, не успеем к новеньким. Не думай, что эти звери оставят тебе место.

— А я и не спешу. Кому они нужны? — Ханс скривился. — Эту бабу уже почти до смерти заездили.

Когда она только попала сюда, то, пользуясь тем, что у нее был влиятельный папаша, задирала нос выше неба. Белокожая, тонкая в талии, на лицо — загляденье, вот только мозгов и воспитания не хватало. Но после пары раз быстро поняла, что к чему. Раньше была такой дерзкой, а теперь стала послушной, как побитая собака.

— Ладно, в следующий раз найду тебе нетронутую, — Коулсон подошел и похлопал его по плечу. — Не злись, брат. Однажды и красивые женщины, и крепкое пойло станут нашими. А этим дармоедам пора на покой, пусть уступают дорогу.

В его глазах на мгновение блеснула жестокость.

— Хотелось бы верить.

Они с предвкушением смотрели на здание впереди, в котором мерцали огни. До наступления апокалипсиса вся их компания состояла из уличных отбросов, которые вымогали деньги за защиту и жили одним днем. Но кто-то подарил им шанс выбиться в люди, и теперь, когда деньги в этом мире превратились в пыль, кулаки стали главным аргументом. Бывшие сияющие звезды и богачи из интернета теперь заглядывали им в рот, чтобы выжить.

Впрочем, благотворительностью они не занимались: ценных оставляли в качестве рабов, а остальных, кто только болтал попусту, безжалостно убивали. Вот и сейчас, чтобы сократить количество ртов и сэкономить ресурсы, они отправились на зачистку улиц.

Перед ними высились черные металлические двери. Коулсон вытащил из кармана рацию, нажал кнопку и позвал:

— Мы вернулись, открывайте.

Человек на той стороне ответил подозрительно тихим голосом:

— Подождите, с дверью небольшая неполадка.

— Хм, с чего это он сегодня такой вежливый? — озадаченно пробормотал Коулсон. — Обычно от него слова доброго не дождешься, сплошной мат. Он из шайки Лоррена, вечно смотрел на нас, работяг, свысока.

— Может, бабы его совсем выжали, — Ханс протянул ему сигарету.

Коулсон принял ее, подставил лицо под огонек зажигалки, затянулся и продолжил болтовню:

— Устал сегодня до смерти. Столько гранат перевели, а прикончили всего ничего. Работа — сплошная трата сил. Я бы лучше на машине проехался, гарантирую — один выстрел, один труп.

— Смотри, как бы сам в канаве не оказался.

Ханс прищурился и вдруг спросил:

— Кстати, что скажешь о том черноволосом парне в черном, которого мы видели сегодня?

— Это тот, которого мы чуть не разнесли снарядом? — Коулсон выпустил облако дыма. — Даже не напоминай. Издалека было видно — фигура у него под одеждой просто отличная. Я подошел поближе, присмотрелся — лицо, черт возьми, до чего красивое.

— Кажется, это был мужчина.

Ханс усмехнулся:

— У меня к такому интереса нет, но если лицо действительно стоит того, а кожа приятная на ощупь — в постели, когда свет выключен, какая разница? Можно представить, что это женщина с маленькой грудью.

— Это точно.

Щелк.

Дверь открылась.

— Господин, я сделал все, как вы просили.

Мужчина поднял руки и задрожал. Его напарник лежал неподалеку с широко раскрытыми глазами и мертвенно-бледным лицом; из глубокой раны на горле сочилась кровь.

Человек, которого он назвал господином, молчал. Его черты лица были острыми и глубокими, словно выверенными машиной до миллиметра, а серебристо-белые волосы напоминали поток жидкого металла. Он медленно приближался, глядя на дрожащего человека.

На нем был военный мундир непонятного образца — ткань сидела идеально, без единой складки. Дизайн с серебряными узорами на черном фоне выглядел пугающе роскошно. Все пуговицы были застегнуты до самого верха, что придавало его холодному лицу оттенок аскетичной красоты. Он походил на хладнокровного воина, но на шее, совсем не к месту, был повязан черно-белый шарф.

Он поднял взгляд своих серебристых глаз, под цвет волос, и ловко крутанул в руке холодный кинжал, очертив в воздухе ледяную дугу.

Мужчина в ужасе отшатнулся, его глаза налились кровью:

— Ты... что ты делаешь!

Поздно.

Он схватился за горло, из которого фонтаном била кровь, и прохрипел:

— Ты... почему...

Он не знал, откуда взялся этот человек. За короткое время тот перебил всех в базе, не оставив никого в живых. Сколько бы людей они ни посылали, этот мужчина шел вперед, словно монстр, чисто и безжалостно перерезая им глотки. Он не понимал, почему остался жив — его заставили подняться на наблюдательную вышку, чтобы открыть дверь тем двоим. Он думал, что выживет...

Но его все равно убили.

Чем... чем они могли его так разозлить?

Это была последняя мысль перед смертью.

Холодные, как у рептилии, глаза наблюдали, как тело остывает. Он просто вспоминал. Этот человек едва не испачкал его шарф — единственный подарок от того, кто ему дорог.

Кажется, вспомнив что-то приятное, он наконец обрел человеческое тепло во взгляде, который до этого был холоднее заснеженной пустоши. Убедившись, что в округе не осталось врагов, он

посмотрел на рацию в своей руке. Те двое на той стороне, видимо, забыли ее выключить. Он слышал их грязные слова, но выражение его лица не изменилось. Лишь окровавленный кинжал в его руке отливал зловещим алым цветом.

<http://bllate.org/book/19182/1883152>